

Глава 21

ЧЕРТЫ МЕСТНОГО ЛЕТОПИСАНИЯ В XVII в.

Утратив свой официальный характер, летописание сохраняется по областям, по монастырям и постепенно переходит в частные руки.

¹ Русск. историч. библ., т. XIII, 1892, стр. 139.

² Там же, стр. 139.

³ Там же, стр. 140.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 142.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 143.

¹⁰ „Лета 1114 году, сентябрь « » день венчался царским венцем царь Борис Феодоровичь...“ (там же, стр. 793).

¹¹ Лаврентьевск. лет.

Усилившаяся роль областей в начале XVII в. и впечатляющие события „Смуты“ привели даже к некоторому подъему в начале XVII в. местной летописной литературы. Следует отметить, однако, что развитие местных литературных сил было в различных областях далеко не одинаковым. Летописная работа ведется по преимуществу в двух древнейших книжных центрах — в Новгороде и в Пскове, где в начале XVII в. продолжается еще летописная работа и где в большей мере, чем в других городах, сохранялась книжная ученость.

Поразительно, что перестав быть официальными, областные летописи во многом возвращаются к старым, традиционным формам летописания. Простота разговорного, лишенного риторических украшений языка, проникновение фольклора, рассказы очевидцев, используемые в записях, — все это продолжает составлять характерную черту новгородско-псковских летописей.

1

Для областных новгородских летописей типично отчетливое отражение в ней социальной борьбы, происходившей между младшими и большими людьми городского населения. Причин этого внимания новгородско-псковской литературы к явлениям социального порядка было несколько. В первую очередь оно явилось следствием чрезвычайного обострения классовой борьбы в начале XVII в. именно в Новгороде и Пскове, где социальная рознь была особенно резкой в связи с тем обстоятельством, что мелкому люду коренного населения противостояла переселенная из Москвы боярско-купеческая верхушка, стремившаяся захватить в свои руки как можно больше из бывшего богатства этих городов. Новгородские и псковские летописи, ведшиеся несомненно местными летописцами, нередко стоят на стороне мелкого люда против „властительские неправды и грабления, и обиды“.

Летописание Новгорода и Пскова в отличие от предшествующих столетий становится все менее официальным, демо-

кратизируется и дает широкий доступ выражению антибоярских взглядов молодых людей. Все более ошутимо сказывается в ней патриотическая тенденция, все более интенсивно проходит идея необходимости решительного отпора иноземным войскам. Чувство единства русского народа никогда еще не сказывалось в новгородско-псковской литературе с такой силой, как именно в это время. С этой стороны замечательна сама близость новгородской псковской литературы к фольклору. С фольклором сближает новгородскую литературу отношение к Скопину-Шуйскому, отношение к боярам, изменнически ведшим себя при осаде Пскова и Смоленска, угнетавшим население Новгорода и Пскова. Вслед историческим песням этой поры новгородско-псковская литература впервые становится на общерусскую точку зрения, рассматривая и Новгород, и Псков как неотъемлемые части Русской земли.

Так, постепенно, литература Пскова и Новгорода теряет местные черты и вливается в литературу общерусскую. Чем шире становился круг авторов, чем разнообразнее их интересы и сложнее стиль, тем больше стирались границы, отделяющие одну областную литературу от другой. Постепенное иссякновение местных особенностей не было результатом обеднения местных литературных сил. Наоборот, оно явилось как следствие наплыва различных общерусских литературных влияний, в первую очередь, московских, растворявших характерные черты местных школ; оно явилось как следствие демократизации летописания, как результат общего подъема патриотического настроения. Теряя местные черты, областная литература приобретает черты общенациональные, постепенно находя общие точки соприкосновения с народным творчеством.

Такова псковская летопись. Псковская летопись за годы „Смуты“ не претендует на широкие исторические обобщения и не пытается выяснить причины „Смуты“, как это делало историческое повествование в Москве. Внимание псковского летописца привлекают, главным образом, события родного города, о которых он рассказывает запросто, как бы беседуя с читателем. Демократичная в стиле летопись демократична и по содер-

жанию. Летописец умело передает тревожную обстановку своего времени: городские волнения, пытки, казни, доносы, конфискации имущества, панические слухи и „всякая несказанная“,¹ творившееся в Пскове от „несоветия“² псковичей.

Событиям псковской „Смуты“ летописец предпослал небольшой рассказ о знаменьях, предшествовавших ей. „Родила корова теля о дву главах, о двух туловах и двой ноги. Родила жена отроча, тело едино, голова едина, хребты вместе, руки двой и ноги двой“.³ По зиме вошли в Псков два волка. Все это свидетельствовало, по мнению летописца, о наступающем несогласии и раздвоении в царстве.

События псковской смуты начинаются летописцем с 1606 г., когда „Литву отпустиша на псковской рубеж с Москвы с провожатыми“.⁴ Роспуск этого иноземного войска, приведенного в Москву Михаилом Скопиным-Шуйским, и послужил началом бедствий. От Литвы и от немец пошло „всякое разорение грех ради наших“.⁵ С тех пор, говорит летописец, „померче всякая добродетель, а вся злая покрыша землю Рускую“, а во Пскове „начальное развращение“ и „нелюбовное житие“ стало.⁶

На покрытие этих убытков Василий Шуйский просил с купцов и с великих людей, „богатством кипищих“,⁷ денег. В Пскове, однако, деньги собирали не только с богатых, а „по раскладу“ и с больших, и с меньших, и даже „со вдовиц“.⁸ С этими деньгами послали в Москву пятерых, снова нарушив обычай „не по выбору“, а назначив тех, кто перечил большим людям „о грацком житии и строении“ и заступался за бедных сирот. Вслед за этими людьми — Самсоном Тифинцем, Федором

¹ Полн. собр. русск. лет., т. IV, СПб., 1848, стр. 326.

² Там же, стр. 327.

³ Там же, стр. 322.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Умойся-Грязью, Еремкой Сыромятниковым, Овсейкой Ржовым, Илюшкой Мясником¹ — отправили в Новгород отписку, предназначенную для Шуйского: „А ты тебе гости псковские радеем, а сии пять человек тебе государю добра не хотят“.² По этой отписке посланных в Новгороде схватили и посадили в тюрьму. Не посадили только Еремку Сыромятника, так как имя его не было упомянуто в отписке: „а добра ему похотел Петр Шереметев [псковский воевода], а написал ево, что на его много всякого рукоделья делал без найму“.³

Вернувшись в Новгород, Еремка Сыромятник рассказал псковичам о судьбе посланных и об „изменной“ грамоте. Да и купец Григорий Щукин проговорился, похвалившись словом: „которые де поехали с казною и тым Живоначальные Троицы верха не видать и во Пскове не бывать“.⁴ „И с тех мест возвращение быть велие во Пскове: большии на меньших, меньшии на болших; и тако бысть к погибели всем“,⁵ замечает летописец.

С явным несочувствием изображен в летописи псковский воевода Петр Шереметев, не только подозрительно относившийся к меньшим людям и потакавший во всем большим, но и склонный к измене, чему противопоставлен патриотизм мелких людей. „Петр Шереметев многажды псковичь спрашивал и думы от них просил, что де у вас дума? Скажите мне! И у Пскова думы не было никакие. А о немцах он говорил, что будут де во Псков. И псковичи ему отказали: мы де не хотим немец и за то помрем. А Петр Шереметев надеялся на больших людей во всем. А оне ему во всем льстили и потакивали, а на мелких наносили и обиду чинили. А мастеровые люди даром делали на него всякое рукоделие“.⁶

¹ Там же.

² Там же, стр. 323.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 324.

В 1607 г. воевода Шереметев и дьяк Грамотин „села дворцовые лутшие себе взяли в поместья и в кормление всех крестьян, и прочие воеводы кто ж себе“.¹ Не взлюбили Шереметева псковичи и за то, что он „темницы лютые поставил во ограде; а преж были простые без ограды“.² Недовольство воеводами уже задним числом сказывается и в записи 1611 г. Описывая тяжелое положение Пскова, окруженного немцами и Литвой, когда Пскову не было ниоткуда помощи, летописец говорит: „в те лета смутные воевод не было во Пскове; един был дьяк Иван Леонтеевичь Луговской, да посацкие люди даны ему в помочь; и с теми людьми всякие дела и ратные, и земские росправы чинил, и божиею милостию иноземцы не совладели ни единым градом псковским; а совладели — как воевод во Пскове умножило, и Псковщину пусту сотвориша, и города поимаша“.³

Описывая воеводские „неправды и грабления, и обиды“, летописец обычно прибавляет, что все это чинилось в согласии с большими людьми, что большие люди не отставали от своего воеводы во всякого рода насилиях, хватали „винных и неповинных“, мучили их пытками, бросали в ров, сажали в тюрьмы. „А хто молвит про то, что неповинно мучат, и тово прихватят, глаголюще: и ты такой же, за изменника стоишь“.⁴ Зато сочувственно изображен в летописи вождь восставших „мужик простой именем Тимофей, прозвищем Кудекуша Трепец“.⁵ Этот Кудекуша, будучи схвачен, „стоял крепко у пыток“ и хотя ему „далося пуще всех“, не смалодушествовал и воеводам „указывал“.⁶

Язык псковской летописи за эти годы прост и выразителен. Зачинщиков восстания летописец называет „кликунами“, о внезапно возникшем слухе говорит „промчеса слово“, при-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же, стр. 329.

⁴ Там же, стр. 327.

⁵ Там же, стр. 326.

⁶ Там же.

ехавшего в Псков в 1609 г. воеводу Ивана Луговского характеризует: „добрый муж, в разуме и в седицах“.¹ Летописец умеет с неожиданной теплотой сказать о присланных во Псков царем Василием пленниках из северных городов: „и тех псковичи поили, и кормили, и одевали, и плакали на них смотря“.² Через два года, когда их выпустили, летописец снова повторяет, что псковичи их „и напоили, и накормили, и одели“,³ а затем дали им возможность уйти в „таборы“ под Москву.

2. Сибирские летописи

В XVII в. резко усилился интерес к истории новых, теперь колонизируемых земель — главным образом к истории Сибири.

В течение всего XVII в. для многочисленных русских посольств в Китай подбираются справки о маршрутах и описания Сибири в Посольском и Сибирском приказах и в самой Сибири. Так, например, известно, что для задуманного в 1675 г. путешествия Николая Спафария тобольский воевода Салтыков опрашивал русских и бухарских купцов о дороге в Китай.

Особая литература о Сибири возникла в связи с многочисленными заказами московского правительства на карты. В делах Сибирского приказа сохранились указания на сотни чертежей, составлявшихся в Сибири в течение всего XVII в. Чертежи эти делались на местах, главным образом, на основании расспросов различных „землепроходцев“, купцов, бывалых людей, знающих местных жителей и даже иноземцев. Так, например, чертежи сибирских земель 1668 г. были сделаны не только „за свидетельством всяких чинов людей, которые в сибирских во всех городах и острогах, хто где бывал и горы, и остроги, и урочища, и дороги, и земли знают подлинно...“, но „также по свидетельству иноземцев и приезжих бухарцев, и служилых татар“.

¹ Там же, стр. 325.

² Там же, стр. 323.

³ Там же, стр. 325.

Все эти люди, привлеченные со стороны к составлению чертежей, давали сведения о торговых путях и различных маршрутах, часто сообщали описания виденных ими земель, рассказывали местные легенды, предания о походах Ермака. По заведенной традиции чертежи Сибири снабжались описаниями, в которые заносились этнографические, географические и исторические сведения, полученные изустно или списанные из предшествующих сочинений.

Рукописи с географическими и историческими описаниями Сибири во множестве находились в Сибирском и Посольском приказах в Москве, в Тобольской приказной палате и по другим местам. Описания Сибири проникают в космографии, в степенные книги, составляют самостоятельные сочинения, широко распространенные не только в официальной среде, но и среди „снискательных“ читателей.

Отдельные исторические сведения о Сибири можно было найти в писцовых и переписных книгах сибирских уездов, в „ясачных книгах“, в „доездах“ служилых людей об осмотренных ими или покоренных „новых землях“, в „статейных списках“ посольств в мунгальския, калмыцкия и другие земли, даже отчасти в росписях сибирским городам и острогам. На основании всей этой литературы и новых расспросов в связи с требованиями правительства на новые чертежи время от времени составлялись более или менее обширные своды — городовые летописи, географические описания с историческими сведениями. К 1672 г. относится чертежное описание: „Список с чертежа Сибирския земли“, текст которого, кстати сказать, повлиял на описание путешествия Николая Спафария. Около 1683 г. было составлено „Описание новья земли, сиречь сибирского царства“, где наряду с географическими сведениями были привлечены и исторические, частью схожие с Ремезовскою летописью. От конца XVII в. сохранилась рукопись „Описание новые земли Сибирского государства“ и т. д. Само собой разумеется, что в такого рода описания, конечными основаниями которых были устные сведения, в обилии проникал фольклор, местная легенда, предания, более

или менее искаженные или урезанные последующими компиляторами.

Во всей этой массе географической и исторической литературы о Сибири особенно выделяются сибирские летописи. Их история замечательна: они возникли по местной, но официальной инициативе, почти так же, как возникли русские летописи в предшествующие века. С течением времени в создании сибирских летописей начинает играть все большую роль частная инициатива. Частные лица создают новые летописи и перерабатывают старые. Летописи демократизируются: в языке, в точке зрения на события. В них все чаще проникают народные предания и песни о Ермаке.

В 1621 г. была организована сибирская архиепископия. Первый сибирский архиепископ — Киприан Старорусенков — прибыл в Тобольск из Новгорода, где он перед тем играл заметную роль в политической жизни города: вел переговоры со шведами и одновременно добивался воссоединения Новгорода с Москвою. Существенно, что Киприан был энергичным сторонником традиционной новгородской церковной теории о превосходстве церкви над светской властью. Сам он отличался гордым, заносчивым и чрезвычайно властолюбивым характером. Впоследствии, будучи новгородским митрополитом, Киприан был очень озабочен созданием пышного окружения митрополичьей кафедры, организовал свой митрополичий двор, во всем подобный царскому, присвоил себе титул „государя“, в церкви стоял „с большой гордостью“, вечерню и заутреню слушал сидя, ездил летом в санях, приказывая в торжественных случаях возить их за собою в шествиях, и не исполнял царских и патриарших указов.¹

В Тобольске Киприан деятельно занялся умножением церковных земель, постройкой новых церквей и монастырей. Одним из главных дел Киприана во время его кратковремен-

¹ С. В. Бахрушин. „Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.“, М., 1927, стр. 2—3; А. Н. Зерцалов. „О неправдах и непригожих речах новгородского митроп. Киприана“, Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1896, т. 1.

ного пребывания в Сибири было основание Софийского собора по образцу новгородского. Тобольская София должна была стать, по мысли Киприана, во всем подобной новгородской. Так же как и в Новгороде патрональная святыня города должна была явиться центром местного летописания.

Во второе лето своего пребывания в Тобольске Киприан „повеле разпросити ермаковских казаков, како они приидоша в Сибирь, и где с погаными были бои, и ково где убили погании в драке. Казаки ж приесоша к нему написание, како приидоша в Сибирь, и где у них с погаными бои были, и где казаков и какова у них имянем убили“.¹ На основании этого казачьего „написания“ был составлен для тобольской Софии пространный синодик, текст которого сохранился в сибирской Есиповской летописи. Синодик этот сам по себе представлял собой краткую летопись — сжатый конспект событий похода Ермака. Кроме того, архиепископ приказал „кликать“ раз в году в неделю православия вечную память убитым казакам. Позднейшая — Ремезовская — летопись упоминает и еще один источник Киприановского синодика — какие-то татарские записи.

Итак, вот ясное свидетельство того, что еще до 20-х годов XVII в. существовало особое казачье „написание“ о походе Ермака. Существование этого казачьего „написания“ вскрывается и на основании других данных, к которым мы еще вернемся. Характер „написания“ наложил прочный отпечаток на всё последующее сибирское летописание.

Сличение сибирских летописей (Есиповской и Строгановской) позволяет установить, что, помимо синодика, на основе того же казачьего „написания“ и татарских записок, при том же Киприане была составлена также и первая официальная сибирская летопись, отличавшаяся от казачьего „написания“ большею пышностью слога, риторическими оборотами, вымышленными диалогами и несколькими новыми статьями: описа-

¹ „Сибирские летописи“, СПб., 1907, стр. 163: Есиповская летопись, глава 36.

нием Сибири, торжественным введением и заключительной частью о торжестве христианства в Сибири. Эта последняя статья и рисует основную идею киприановского свода: Сибирь, которая была раньше местом „вогнеждения“ зверей и „водворения“ сяринов, стала теперь прибежищем христианам.

На основании татарских летописей в киприановском своде была составлена статья с генеалогией татарских царей и рассказана известная история о гибели Ермака. Строгановская летопись, ближе всего сохранившая текст киприановского свода, донесла до нас почти в неизменном виде и текст этого повествования о смерти Ермака от лица самих татар: „последние же цы глаголют от язык [т. е. татары] о том, яко воспрянув ту храбрый в аш [т. е. русских] воин Ермак от сна своего и виде дружину свою от нас [т. е. от татар] побиваемых, и никоея надежди мощно имети ему животу своему, и побеже в струг и не може дойти своих си, понеже бо в дали расстояние, и тут ввержеса в реку и утопе“.¹ В самом конце XVII в. Семен Ремезов сверил обе версии о гибели Ермака — русскую и татарскую, изложенную в „сказке“ Аблая-тайши для его отца Ульяна Ремезова — и пришел к выводу об их полном сходстве.²

И киприановская летопись, и синодик сохранили основную идею казачьего „написания“. Казачье „написание“ изображало покорение Сибири как дело Ермака, предпринявшего этот поход на свой риск и страх, без участия Строгановых. Эта тенденция особенно резко сказалась в той части синодика, где было записано, что „не от славных мужь, ни царска повеления воевод... но от простых людей избра бог и вооружи славою, и ратоборством, и волностию атамана Ермака Тимофеева сына Поволскаго и со единомысленною, и предоброю дружиною храбровавшею“.³

¹ „Сибирские летописи“, СПб., 1907, стр. 38.

² См. Ремезовскую летопись, статью 118. Там же, стр. 348.

³ Там же, стр. 64—165.

В 1637-1538 г., когда по ходатайству тобольского архиепископа Нектария „прославление“ Ермака и его казаков приобрело общерусский характер, на основании летописи Киприана 1622 г. архиепископским подьячим Саввою Есиповым, привезенным в свое время Киприаном из Новгорода, была составлена новая обширная официальная сибирская летопись, сохранившаяся сейчас во многих списках. Цель составления этой летописи аналогична цели составления киприановского синодика: прославить новую христианскую землю Сибирь и окружить ореолом мученичества ее покорителей. На первом плане в Есиповской летописи попрежнему „велемудрый ритор Ермак“ с товарищами, ходивший по всей сибирской земле „стопами свободными“. Основная тема повествования — „о мужестве и о храбрости рускаго полка, собранного и водимаго атаманом Ермаком Тимофеевым“.¹ Согласно с торжественной целью своего повествования, Есипов значительно „распространил“ витийством „прежнее писание“, т. е. киприановскую летопись, которая по его мнению была слишком „стесняема речью“. Есипов вставил в свою летопись примеры из Библии, ссылается на Троянскую историю, на „кронику латынскою“, рассуждает о происхождении названия Сибирь и т. д. Картины боя описаны Есиповым в традициях воинской повести. Здесь и „тмочисленные стрелы“, и болота, собравшиеся „от истекших кровей“, здесь и обычная воинская формула: „за руки емлюще сечахуся“.²

Возможно, что в связи с установлением всероссийского поминания убитых при покорении Сибири казаков Есиповская летопись предназначалась для отсылки в Москву. За это говорит то пространное описание Сибири, которое было в ней предпослано изложению похода Ермака. Есипов пишет о сибирской природе в тех восторженных выражениях, которые стали впоследствии обычными для всех русских писателей о Сибири. Есипов говорит об Уральском хребте „зело превысочайшем“, который стоит „яко стена граду утвержена“, пере-

¹ Там же, стр. 105.

² Там же, стр. 130.

числяет зверей, водящихся в Сибири — одних на „снадение“, других „на украшение ризное“ (т. е. для одежд), описывает реки „пространны зело и прекрасны“, прокопавшие твердый камень, воды их „сладчайшия“, обилие рыбы, леса, стоящие у источников рек; упоминает „сладкопесневья птицы“ и „травныя цветы“. Его внимание остановила также вечная мерзлота в устье Оби: „в сих же устьях леди искони состарешася в ни коли же таяше от солнца и непроходимо место, и не знаемо чадию“. Сообщает Есипов и этнографические сведения: о народах, населяющих Сибирь, об их вере, одежде, пище и средствах передвижения: „ездыт остяки на псах, самоядь же на еленех“ и т. д.¹

Приблизительно в начале 70-х годов (до 1673 г.) была составлена и другая сибирская летопись на основе той же киприановской летописи. Летопись эта по своей идейной ориентации получила название в научной литературе — Строгановской. Основная цель Строгановской летописи — доказать участие Строгановых в покорении Сибири. Для этого она дополнила киприановский летописец большим количеством справок, сделанных на основе хранившихся в архиве Строгановых грамот. Для придания большего веса своим доказательствам летописец цитирует грамоты иногда дословно, а затем всегда упоминает имена дьяков, скрепивших их, число и год их подписи, приводит имена бояр, которые приказали их выдать по царскому указу, иногда говорят даже о золотых царских печатях, которыми они были снабжены. Однако, как показали разыскания исследователей, эта якобы точная документация грамот не всегда соответствует действительности. На подлинных грамотах не оказалось многих из тех „подписей“ и „приписей“, на которые ссылается летописец. Все это введено в Строгановскую летопись, чтобы всячески подчеркнуть помощь, которую оказывали Семен, Максим и Никита Строга-

¹ Есиповская летопись. Глава I: „Сибирстей стране“. Там же, стр. 108—113.

новы „буйственным и храбрым“ казакам Ермака.¹ Идиллически изображено снаряжение их в поход. „И отпевше соборне молебная пения... и удоволиша их мздою, и одеянии украсиша их и оружием огненным пушечки, и скорострелными пищальми семипядными, и запасы многими, и всеми сими довольно сподобиша их, и вожев, ведущих той сибирский путь, и толмачев бусурманского языка им даша, и отпустиша их в Сибирскую землю с миром“.

Текст Строгановской летописи в общем строже следует тексту киприяновской летописи, чем Есиповская. Однако и в ней основное повествование о походе Ермака подверглось некоторому витийственному распространению. Повидимому, к Троянской истории Гвидо де Колумна восходят в летописи два прекрасных описания расцветающей весенней природы, — сходные с соответствующим местом Повести Катырева Ростовского.²

На основании той же киприяновской летописи была составлена и сибирская часть „Нового летописца“, рассмотрение которой не входит, однако, в задачу настоящей главы. Таким образом, казачье „написание“ о покорении Сибири Ермаком послужило основанием для составления в первой половине XVII в. пяти летописных произведений: киприяновского синодика, недошедшей киприяновской летописи, Есиповской летописи, Строгановской летописи и повести о покорении Сибири в „Новом летописце“. Были, впрочем, и другие летописные

¹ А. М. Ставровиц. „Сергей Кубасов и Строгановская летопись“, Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову, П., 1922, стр. 285. 291. Точку зрения Ставровиц поддержал и развил А. И. Андреев: „Очерки по источниковедению Сибири, XVII век“, Л., 1939—1940, стр. 131 и след.

² А. С. Орлов. „Повесть Катырева-Ростовского и Троянская история Гвидо де Колумны“, Сб. статей в честь М. К. Любавского, М., 1917. На основании этих сходных описаний весны в Строгановской летописи и в Повести Катырева-Ростовского делались, между прочим, различные предположения о принадлежности Строгановской летописи то Кубасову, то Катыреву-Ростовскому.

памятники, связанные с аналогичными казачьими „написаниями“. О них мы скажем ниже.

* *
*

Демократическое, казацкое происхождение сибирских летописей способствовало постепенному обрастанию их фольклорными темами. Уже первое казацкое „написание“, поданное казаками архиепископу Киприану, было, по существу, произведением народной, демократической литературы. „Написание“ это было составлено на основании воспоминаний очевидцев о событиях, которые еще были свежи в памяти всех и потому не включило в себе материал легендарный и песенный о Ермаке. Надо думать, что к тому времени его почти и не было. Однако народная основа этого „написания“ ясно проступает в самой точке зрения на поход Ермака. Точка зрения эта и освещение событий разительно схожи и в „написании“, и в народных песнях о Ермаке. Мы знаем теперь, что в конце XVI и в начале XVII в. покорение Сибири не всегда приписывалось Ермаку. Так, например, Исаак Масса, хорошо осведомленный в русских делах, в своих книгах о Московии вовсе не упоминает Ермака, приписывая покорение Сибири другим лицам. Между тем, и казацкое „написание“, и народная поэзия изображают Ермака единственным инициатором похода на Сибирь, народным героем, идеализируют его. В народной поэзии Ермак превратился в богатыря, сражающегося с Калиным и с бабой Мамашинной, помогает Грозному взять Казань. Сила, побитая Ермаком, так велика, что „ведь серому-то волку в день-то не оскатать, черному ворону в день не облететь“. Ермак вошел в былины киевского цикла, став по некоторым вариантам пляменником Ильи Муромца. Разбойничьи песни называют его родным братом Степана Разина:

Атаманом быть Ермаку Тимофеевичу,
Есаулом быть его брату родимому Степанушке.

Сама биография Ермака дала не мало сюжетов для разбойничьих песен. Так, например, как это доказано А. Н. Лозановой,¹ мотив прощения вин разбойнику навеян соответствующим эпизодом из биографии Ермака.

Вышедшие из казацкого „написания“ сибирские летописи — Строгановская и Есиповская — получили широкое распространение, многократно переписывались и, постепенно утрачивая свой официальный характер, обрасли различными фольклорными сюжетами. Во вступительной части летописей согласно с народными песнями подробнее рассказывалось о разбойничестве Ермака на Волге, некоторому усложнению подвергся рассказ о смерти Ермака, соответственно каким-то устным рассказам в позднейшие варианты сибирских летописей вставлялись рассказы об убийстве на пиру русскими татарина Сейдяка, поперхнувшегося в момент, когда он пил заздравную чашу за многолетие Федора Иоанновича. Особенный интерес имеет вставка в Толстовский список XVIII в. Строгановской летописи песни о Ермаке, многократно записанной впоследствии от донских и уральских казаков, в Сибири и в Олонецкой губернии. Глава 8 Толстовского списка рассказывает, как Строгановы, прослышав „о буйстве и храбрости поволских казаков и атаманов Ермака Тимофеева с товарищи, како на Волге на перевозех нагайцов и ардабазарцов громят и побивают и дело гораздо по Волге храбруют“,² послали к ним „людей своих с писанием и з дары многими“, чтобы шли „в Чюсовские городки и острожки на помогание им противу неверных супостат“. Казаки обрадовались приглашению и собрались в круг „и начаша думати и советовати со единомысленою и предоблею своею дружиною: итти ли им на помогание к Строгановым или нет“. Затем идет запись самой песни, иногда прерываемая вставками переписчика летописи:

¹ „Народные песни о Степане Разине“, Саратов, 1928.

² „Сибирские летописи“, СПб., 1907, стр. 55 — здесь и ниже.

И собрався на устье матки Самары реки
 На крутом на красном на берегу
 На желтом на сыпучем на песочку.
 Не ратная труба протрубила,
 Говорил атаман Ермак Тимофеевичь:
 „О, есте, братцы атаманы и казаки донские,
 Яицкие, волские и терские,
 Думайте думу, братцы, с цела ума,
 Чтоб яам не продуматца:
 На Волге нам жить — ворами слыть,
 А на Дону нам жить — казаками слыть,
 А на Яик итти — переход велик...“

Обычно в записанных вариантах этой песни следует:

А в Казань итти — грозен царь стоит
 Грозен царь асударь, Иван Васильевич...¹

Переписчик пропустил эти строки согласно с данными своей летописи, которая ничего не сообщала о желании Ермака итти под Казань на помощь Грозному. Но его смутило и другое: „переход велик“ был не только до Яика, но и до Сибири, а поэтому, чтобы внести разницу между этими двумя переходами, он добавил после слов „а на Яик итти — переход велик“ — разъяснение; „а се добычи нет“, нарушив тем песенный ритм. После этой вставки снова следует текст песни:

Да нам же не гораздо шуточка нашутилась,
 Что разбили мы лотку коломенку
 И гром ли казну государеву;
 Из тово мушкета немецково
 Вылетала пулка свинцовая,
 Из тово кафтана камчатого
 Выносила бумагу хлопчатую,
 Убила посла государева...²

Дальше текст песни сохранен лишь частично: вставлено титулование „государя царя и великого князя Ивана Василье-

¹ „Сибирские летописи“, стр. 56; В. Миллер. „Исторические песни русского народа XVI—XVII вв.“, „Сборник Отд. русск. яз. и слов. Ак. Наук“, т. 93, П., 1915, стр. 482; ср. также 476, 491, 497, 509 и др.

² „Сибирские летописи“, стр. 56.

вича всеа России“ и рассуждение Ермака о необходимости итти „на помогание“ „честным людем“ Строгановым — явно в интересах последних. Мотивировка его решения всё же своеобразна: „и мы толко ныне не поидем таким честным людем на помогание, и они на нас стануть писать к Москве непослушание... и государь на нас раскручинитца, велит нас переминать и по городом разослать и по темницам розсажать, а меня Ермака велит государь царь повесить: потому что большому человек большая и честь бывает“,¹ Эти последние слова характерны для разбойничьих песен. Мотив царского пожалования молодца „тремя столбами с перекладною“ встречается и в песнях о Степане Разине, и в песнях о Пугачеве. В отличие от народных песен, составитель Толстовского списка вводит новый мотив не непосредственного прощения вин Иваном Грозным Ермаку „с товарищами“, а через заступничество Строгановых. Ермак надеется, что в случае, если он с казаками пойдет „на спомогание“ Строгановым, „они об нас станут писать милостивыя и благоприятныя словеса к государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Росии, и государь царь до нас умилицца и отдаст нам пеню великую вину“. В таком же роде говорит и атаман Иван Колцов: „И взговорил атаман Иван Колцов: «Добро нам итти на помогание таким честным людем, а толко нас Господь Бог помилует и неверных нам Бог покорит под нозе наши, и Сибирское государство возмем, и град поставим, и святыя божия церкви воздвигнем, и соберем себе славу вечную, и укупим живота вечнаго, и в предъидущия веки. Аминь»».²

Итак, народная песня о Ермаке, включенная составителем Толстовского списка в Строгановскую летопись, подверглась здесь значительному искажению в пользу Строгановых. Тем не менее целиком сохранившиеся отдельные строки этой песни представляют существенную ценность как первые

¹ Там же.

² Там же.

записи фольклора о Ермаке, сложившегося еще, повидимому, в первой половине XVII в.

Тому же составителю Толстовского списка принадлежит и любопытная, составленная в народном стиле, концовка повествования о Ермаке: „Такова, братие, сия дивная повесть написана во славу божию, а в пользу чтущим, состаревшимся людям на послушание, а младым людям в научение и поощрение, а глаголющим многого разума на внимание, воином на храбрость, а древним на память“.¹

* * *

Как можно видеть по обилию позднейших вставок и переделок в различных списках Строгановской и Есиповской летописей, фольклор о Ермаке особенно интенсивно начал проникать в сибирские летописи во второй половине XVII в. Местная казацкая среда, в которой было немало лиц, имевших основание причислять себя к потомкам завоевателей Сибири, деятельно поддерживала этот интерес к истории Сибири. Многочисленные путешественники и завоеватели новых земель на востоке и юге Сибири живейшим образом интересовались историей первого завоевателя Сибири, чье дело они фактически продолжали. Именно из этой казацкой военной среды вышли и первые исследователи сибирской старины, знатоки своего края. О наличии таких лиц мы можем судить хотя бы по работе голландца Витзена о „Тартарии“.² В своеобразную географическую хрестоматию Витзена были включены сведения, сообщенные Витзену из Соли Камской, из Тобольска, из Селенгинска, даже из Мангазеи и т. д. Корреспонденты Витзена не были простыми носителями фольклора или просто бывалыми людьми, — скорее их можно назвать исследователями своего края. Это были люди нового времени, с новым подходом к истории и географии своей страны. Для них уже не существовало сомнений в необхо-

¹ Там же, стр. 95.

² „Noord en Oost Tartarg“, 1692 г.

димости использовать для изучения Сибири местные „бусурманские истории“, предания, памятники материальной культуры. Сама жизнь толкала их к использованию данных непосредственного наблюдения и практического опыта.

Одним из таких местных знатоков Сибири был в конце XVII в. Семен Ремезов. Ремезов родился около 1664 г. в Тобольске. Интерес к истории родного края Семен Ремезов перенял от своего отца — стрелецкого сотника Ульяна Ремезова, который, как мы увидим впоследствии, также занимался собиранием сведений о Сибири, был „снискателем“ и „хитр о делех“. Семен Ремезов отличался чрезвычайно разносторонней одаренностью. Он был живописцем, знаменщиком, выдающимся картографом, архитектором, своеобразным этнографом и археологом.

В 1693—1694 г. Ремезов „написал выносную часовню для поставления на реке Иртыше иорданного освящения воды“, в следующем году он „сверх служеб, сработал, сшил, и написал мастерски конным и пешим полкам семь камчатых знамен...“ На основании приговора Сибирского приказа 1696 г. Семен Ремезов составляет чертеж всей Сибири, в 1701 г. он заканчивает грандиозный атлас Сибири, рисует „державцов российских портреты“ и т. д. Помимо этого Ремезов составляет этнографическую карту Сибири с соответствующим описанием. В чертежах Ремезов указывает мольбища, кочевья, следы древних поселений и опустевших городов (на притоке реки Торгая „град пустой“, в вершинах Енисея „город каменной старой, две стены целы, а две развалились, а которого города, того не знаем“ и др.), места сражений (отметки: „костей много“, „кости“), местные легенды о кладах (в устье Амура Ремезов помечает: „до сего места доходил царь Александр Македонский, ружье спрятал и колокол оставил“). Ремезову же принадлежит географическое описание Сибири, проекты каменного Тобольска, копии с „чюдского письма“ на реке Ирбите и т. д.

В эпоху Петра Ремезов явился одним из первых и самых горячих поклонников его дела. В одном из своих сочинений

он подробно передает содержание петровского наказа посланным в 1696 г. за границу молодым людям и тут же сочиняет восторженный панегирик наукам. Чтобы оценить этот порыв Семена Ремезова, надо учесть, что он был постоянным жителем одной из самых отдаленных окраин и, кажется, только раз побывал в Москве.

Во время своих работ над чертежами Сибири Ремезов познакомился с различными местными легендами, с описаниями Сибири, с различными официальными документами о ее прошлом и настоящем. Но особенное значение имело для него постоянное обращение к живым устным рассказам. В 1696 г. Семен Ремезов был послан в Тобольский уезд „допрашивать и описывать“ расстояние сел, деревень, рек, озер и ясачных волостей. „И в посылке Семен Ремезов многих людей, русских и иноземцев, сторожилов, бывальцов и ведомцов, про урочища допрашивал и остроги, и волости описал“. Об энергии, с которой Семен Ремезов собирал все, что касалось Сибири, ее истории и географии, говорит следующий случай. Тотчас по приезде в Тобольск завоевателя Камчатки казака Атласова, подавшего в Тобольский приказ „сказку“ о походе, Ремезов явился в приказную избу и попросил разрешения у воевод „списать“ эту „сказку“ для себя. О „скасках“ сведущих людей Ремезов упоминает также и в „Описании чертежной книги“. В частности, он упоминает о „доезде“ атамана Ивана Петрова, который побывал в Сибири „для проведывания земель“ еще „преж Ермакова взятия Сибири“. „Доезд“ этот, как говорит Ремезов, и „доднесь в Тобольску у снискателей носится“. На основании приведенных данных можно видеть, что Семен Ремезов представлял собою выдающегося знатока Сибири и сибирских преданий.¹

Собранные в разное время Ремезовым сведения о Сибири от „памятливых сторожилов“ и по различным рукописям пригодились ему в составлении „История сибирской“. Точно

¹ См. подробно биографию С. Ремезова у А. И. Андреева: „Очерки по источниковедению Сибири“, Л., 1939—1940, стр. 45 и след.

время ее составления неизвестно, но по ряду признаков можно предполагать, что она была выполнена им одновременно с его картографическими работами по Сибири и, во всяком случае, до 1703 г., после которого кем-то, возможно сыновьями Ремезова, к ней добавлена „Кунгурская летопись“.

Авторство „Истории сибирской“ устанавливается по приписке, сделанной в конце рукописи шифром: „писал Семен Ремезов“.¹ Композиция „Истории“ оригинальна: она представляет собою ряд небольших статей, каждая из которых надписана над определенной иллюстрацией, выполненной самим Ремезовым. Иллюстрации предшествовали по выполнению тексту; места для текста не всегда хватало, отчего он повидимому, подвергался некоторому сокращению. Содержание рисунков иногда шире содержания текста. Совсем без текста остались любопытные изображения воспитания Ермака: мальчик Ермак борется, стреляет в цель из лука, из пистолета, упражняется с мечом и т. д.²

„История сибирская“ использовала в качестве своей канвы Есиповскую летопись, дополненную значительным количеством различных материалов, попавших в руки С. Ремезова во время его длительной работы над чертежами Сибири. Ремезов использовал для нее документы Сибирского приказа, тобольской съезжей избы, рассказы „памятных бывальцев“ и „сторожилов“, „бусурманские“ повести и истории, т. е. татарские предания и татарские летописи, местные топонимические легенды, сведения о древних поселениях, городах, курганах, мольбищах и т. д. Рассказывая о бегстве вогулич „за Яскалбинские непроходимые болота и озера“, Ремезов свидетельствует: „яко видимо и по днесь зарослые болота и озера идущему на лыжах валы бывают напреди и созади“.³ Карто-

¹ „Сибирские летописи“, стр. XXXV.

² Ремезовская летопись издана фотолитографически Археографической комиссией в 1880 г. Хранится в Библиотеке Академии Наук СССР, шифр 16. 16. 5.

³ „Сибирские летописи“, стр. 331.

графические интересы Ремезова сказались в летописи в стремлении подробно обозначать маршруты походов, дать точные указания на географическое расположение мест событий. Эта склонность особенно резко сказалась в отчетливых иллюстрациях к „Истории сибирской“, представляющих собою своеобразные карты-панорамы, в которых изображения рек обычно более или менее сходно соответствовали реальному их течению.

Особенный интерес представляют для нас те устные, татарские и русские предания и песни, которые были использованы Ремезовым в его „Истории“. Любопытным историческим источником для Ремезова явились татарские плачи. Татары оплакивали в них покорение Сибири и рассказывали о Ермаке: „и тако чуден и страшен, егда глаголати им и в повестех между собою, без слез не пробудут“.¹ Использовал Ремезов и проповеди магометанских шейхов. Он приводит легенду, которую рассказывали шейхи о видении, бывшем до покорения Сибири Ермаком. Боролись два зверя — большой белый и маленький черный. Маленький зверь убил большого, но большой вновь ожил через три дня. „И по сему проклятию бусурманы о Сибири велми блазнятца, понеже шихи их в повестех истолковаша им, яко малой зверок, Ермак, бусурманство, яко большаго зверя, и 3 день мертвой оживя, то по времени паки возмут Сибирь бусурманы во владение не надолго“.² Вошли в Ремезовскую летопись и различные татарские поверия, описания обрядов и обычаев. К сожалению, включая весь этот разнообразный материал в краткие надписи к рисункам, Ремезов его чрезвычайно урезал, придав ему крайнюю лаконичность и сухость.

Исключительный интерес имеет рассказ о двух панцырях, подаренных Ермаку царем Иваном Грозным. Царский подарок казаку-разбойнику Ермаку оказывается таким же роковым, как и традиционное в разбойничьих песнях ироническое

¹ Там же, стр. 316.

² Там же, стр. 328.

пожалование разбойника „двумя столбами с перекладиною“. Тяжелый царский подарок мешает Ермаку вскочить в струг в то время, когда татары заманили Ермака в ловушку. Ермак тонет: „бежа в струг свой и не може скочити, бе одеян двема царскими пансыры“.¹ О тех же панцырях в Ремезовской „Истории“ приведены и татарские „повести“, переданные Семэну Ремезову его отцом¹ — стрелецким сотником Ульяном Ремезовым. Рассказ отца Семена Ремезова интересен тем, что рисует самый процесс перехода местного предания в книжность. Монгольский тайша Аблай, кочевавший со своим народом недалеко от русских границ на юго-востоке и господствовавший над русскими путями в Ергень, в Китай, в Монголию и в Бухару, обратился в Тобольск в 1658 г. с просьбой передать ему панцырь, принадлежавший служилому татарину Кайдаулу-мурзе. Аблай-тайша считал этот панцырь Ермаковским и верил в его таинственную силу. Почитание панцыря было традиционным в его роду. С той же просьбою обращался в Тобольск и отец Аблая — Вайгиш-тайша, но получил отказ. В 1660 г. Аблай-тайша вторично настойчиво просил в Тобольске выдать ему этот панцырь. Не желая ссориться с могущественным соседом, тобольской воевода князь Буйносов Ростовский отправил обнаруженный у сына умершего Кайдаула панцырь Ермака. С посольством в „ургу“ к Аблаю-тайше был отправлен и отец Семена Ремезова — Ульян. „История“ рассказывает о встрече Ульяна с Аблаем. Аблай торжественно принял панцырь Ермака, поцеловал, поднял его на голову, „хваляще царское величество и любовь“, а затем спросил: „Знаеш ли, Ульян, где ваш Ермак лежит?“ „И нача Аблай повести деяти о нем по своей истории, как приехал в Сибирь и от Кучюма на перекопе побеже и утопе, и обретен, и стрелян, и кровь течаше, и пансыри разделиша и развезоша, и как от пансырей, и от платья чудес было, и как татара смертной завет положиша, что про него русакам не вещати“. Ульян просил Аблая дать ему „сказку“ обо всем этом „за

¹ Там же, стр. 344.

его знамены и печатью",¹ что Аблай и сделал через некоторое время.

Сведения этой „сказки“ Аблая-тайши Ремезов и сообщает в своей „Истории“. Труп Ермака, рассказывает Аблай, всплыл и был прибит к берегу Иртыша под „Епаньчинские юрты“. Некий татарин Яныш, наживлявший в это время перемет, увидел у берега „шатающуюсь человеческие ноги“.² Накинув на ноги переметную веревку, Яныш вытянул труп на берег и по панцырям догадался, что казак не простой. Яныш побежал к юртам и созвал жителей. Старый Кайдаул-мурза догадался, что труп этот Ермака, так как знал, что „государь прислал ему, 2 пансыря, и каковы видеша“.³ Тело Ермака кровоточило, как живое. Его раздели и положили на „лабаз“. Все, кто ни приходил, по обычаю („по завету“) мстили Ермаку, вонзая в него стрелы и „кров свежая течаше, птицы же облеташа, не смея прикоснуться ему“.⁴ Приехал и сам царь Кучум с мурзами, кондинские и обдаринские князья и также вонзили в Ермака свои стрелы. Ермак являлся в видениях татарам, даже самому „Сейдяку царю“, завладевшему в это время Тобольском, и требовал погребения. „Овии жь от него решишася ума; и именем его и до днесь божатся и кленутся“.⁵ Затем описывается погребение Ермака „под кудрявою сосною“ и тризна, для которой татары зарезали 30 быков и 10 баранов, учинив „жрение по своему извычаю“.⁶ Под конец Аблай поведал о чудотворениях от тела и платья Ермака и о видениях над его могилой. „Се же виде абызы и мурзы, что закон их сквернен и престает чудотворение, запретиша всем от мала и до велика же поминать имя Ермаково, да задлитца честь и слава, и могила его не явлена будет. Бе же видитца бусурманом и до днесь во вселенские субботы огненной столп

¹ Там же, стр. 348.

² Там же, стр. 345.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 346.

⁶ Там же.

до небеси, а по простым — свеща велия, горяща над главою его: се же бог своих проявляет“.¹ Надо полагать, что внесение этих рассказов в „Историю сибирскую“ диктовалось стремлением изобразить деяния Ермака как подвиг святого.

Любопытно, что чертами житийного стиля отмечены и некоторые другие рассказы „Истории сибирской“, например о битве Ермака с Кучумом, во время которой знамя Ермака с образом Спаса само двинулось вперед и провело казаков невредимо под берегом. Мотив защиты казаков Ермака от татарских стрел Спасом² неоднократно повторяется в „Истории сибирской“, являясь, очевидно, церковным переосмыслением аналогичного фольклорного мотива о Ермаке:

И тому татары дивовалися,
Каковы русски люди крепкие,
Что ни едино убить не могут их:
Каленых стрел в них, как в снопики, налеплено,
Только казаки все невредимы стоят.³

Как и другие „летописные истории“ завоевания Сибири „История сибирская“ приводит географическое описание Сибири, быта и нравов населяющих ее народов и дает краткую родословную татарских царей.

Составлена „История сибирская“ языком простым, сжатым, скорее канцелярским, чем летописным.

В конце „Истории“, очевидно сыновьями Ремезова, помогавшими отцу в ее составлении, приложены несколько статей, в которых в витийственной манере говорится о загробном воздаянии воинам, подыскиваются аналогии Ермаку в русской истории, приводятся примеры „покорения язык [народов] христианом“, рассказывается „о храбрости воинской“, о „среднем царском пути“ и т. д. Всё это сделано с явным стремлением придать „Истории“ Ремезова нравоучительный характер.

¹ Там же.

² Там же, стр. 324.

³ „Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым“, М., 1938, стр. 83; ср.: В. Миллер, „Исторические песни...“, стр. 84.

Исторические сведения на основе местного сибирского фольклора встречаются и в других работах С. Ремезова. Например, в частично восстанавливаемом на основе поздней Черепановской летописи „Описании о народах Сибири“ приведены любопытные татарские сказания — „о начале Сибирской земли“ и „о начале происшествия народов Сибири“. Отлично от „Истории сибирской“ излагаются С. Ремезовым некоторые эпизоды завоевания Сибири в составленной им к чертежам „Повести об окончательном покорении Сибири“.

Позднее в „Историю сибирскую“ были вплетены листы Кунгурской летописи. Как это установлено С. В. Бахрушиным,¹ Кунгурская летопись, повидимому, была найдена С. Ремезовым в 1703 г., во время составления им в Кунгуре чертежа Кунгурского уезда.

Название „Кунгурская“ имеется в самой рукописи. Кунгур — построен в 1648—1649 гг. Это был главный пункт нового пути в Сибирь, которым охотно пользовались, несмотря на правительственные запрещения, во второй половине XVII в. в обход официальному пути через Верхотурскую таможенную. Таким образом, Кунгурская летопись, получившая, как видим, свое название не ранее второй половины XVII в., не могла быть официальной городской летописью. Само положение Кунгура говорит за то, что летопись эта попала в этот полуофициальный город с пришлым населением откуда-то со стороны. Ближайшее рассмотрение характера этого памятника показывает, что в нем мы имеем дело с единственным сохранившимся до нас образцом казачьего летописания. По отрывкам Кунгурской летописи, сохранившим несомненные признаки древности, мы можем приблизительно судить о том, каким могло быть то „написание“, которое казаки подавали в 1622 г. в Тобольске архиепископу Киприану.

Составлена Кунгурская летопись языком сжатым, простым, точным, отчасти приказным. В летописи встречаются чисто

¹ С. В. Бахрушин. „Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.“, М., 1928, стр. 26—30.

народные выражения „частой ельник“,¹ „темной ельник“.² Попадаются следы казацкой военной терминологии: походы за ясаком рассматриваются как походы за „добычей“, плыть по течению — плыть „напоплав“,³ первое воровское предприятие Ермака названо „заворуем“,⁴ о тех или иных предприятиях Ермака или его пятидесятника Богдана Брязги обычно говорится, что они были решены не просто Ермаком, а непременно „с товарищами“,⁵ сам Ермак называется иногда „Ермачко“ с прибавлением клички „Поволский“,⁶ про первую попытку Ермака с товарищами проехать в Сибирь шутливо говорится, что казаки „обмишенились“,⁷ приводится также и поговорка казаков, не любивших долго дожидаться ясака или возвращаться за ним на обратном пути: „что мимоходом урвал, то и наша добыча“ и т. д. Несмотря на очень незначительные размеры сохранившихся отрывков, примеры лексического своеобразия летописи могли бы быть значительно умножены. Язык Кунгурской летописи по своей выразительности и непосредственной связи с живым разговорным языком не имеет себе равных среди сибирских летописей. Надо, впрочем, отметить, что в языке Кунгурской летописи сохранились признаки довольно поздней переработки, повидимому, начала XVIII в. („полномочным“, „несостоятельная спона“, „подданные“, „слово и дело“).⁸

В отличие от других сибирских летописей Кунгурская летопись дает идеализированную характеристику не только Ермака, но и всей его дружины. Сжато, немногими фактами обрисовывает летопись нравы дружины „Ермачка Поволского“ и ее своеобразным „артельным“ строем, строгими донскими

¹ „Сибирские летописи“, стр. 334.

² Там же, стр. 342.

³ Там же, стр. 335.

⁴ Там же, стр. 313.

⁵ Там же, стр. 314.

⁶ Там же, стр. 313.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 313, 314.

законами, суровой моралью и несложным бытом замкнутого разбойничьего круга. За проступки наказывали „жгутами“, а за дезертирство — смертною казнью: „насыпав песку в пазуху и посадя в мешок, в воду“. „Больши 20 человек с песком и камением в Сылвы угружены“, замечает по этому поводу летописец.¹ „Блуд“ и „нечистота“ были у Ермака „а великом запрещении“. Провинившихся сажали „на чепь“ и держали на ней три дня.² Подробно перечисляет Кунгурская летопись участников Ермаковского „заворуя“; „было у Ермака два сверсника — Иван Кольцо, Иван Гроза, Богдан Брызга и выборных есаулов 4 человека, тож и полковых писарей, трубачи и сурначи, литавръщики и барабанщики, сотники и пятидесятники, и десятники с рядовыми, и знаменщики чином, да три попа, да старец бродяга“.³ „Старец бродяга“ особенно останавливает на себе внимание летописца, придающего его пребыванию в дружине, повидимому, большое значение. Старец этот „ходил без черных риз, а правило правил и кашу варил, и припасы знал, и круг церковный справно знал“.⁴ Колоритная фигура этого „старца бродяги“, бывшего, очевидно, знатоком казачьих традиций („правило правил“), исполнявшего какие-то религиозные функции, и, вместе с тем, ведавшего „припасами“ и варкою „каши“, вносит очень живую черту в наши представления о дружине Ермака.

В отличие от других летописей значительно более резкими чертами изображены взаимоотношения казаков и Строгановых. Кунгурская летопись настойчиво проводит ту точку зрения, что помощь Строгановых Ермаку была вынужденной. Казаки „с пристрастием“ отнимают у Максима Строганова необходимые им для похода запасы, „а не вовсе в честь или в займы, но убити хотеша и жита его разграбить, дом его и при нем живущих разорити в конец и приступити к Максиму грозом

¹ Там же, стр. 316.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

(гызом)¹. Казаки прямо угрожают Максиму Строганову расстрелом. „Из них же войска паче всех Иван Колцев с есаулы крикнуша: «О, мужик, не знаешь ли — ты и тепере мертв возмем тя и ростреляем по клоку...»“. „Максим же страхом одержим“ отворял амбары и день, и ночь выдавал казакам по их запросу на струги. Припасов было выдано столько, что казацкие струги не выдержали и стали „под берегом тонуть“.² Тогда казаки „излегчили принимать запасов помене по стругам“ и приправили им „набой“, т. е. наколотили борта. Все эти подробности явно легендарного характера, но замечательно, что излагая их, автор летописи все-таки полемизирует с какой-то другой версией истории сборов Ермака, утверждающей, что Ермак брал у Максима Строганова припасы „в займы“ и „в честь“.³

Все эти особенности Кунгурской летописи находятся в связи с фактом несомненной близости к фольклору. Целый ряд событий в Кунгурской летописи рассказан совсем так, как в исторических песнях о Ермаке — особенно в тех из них, которые были записаны в Западной Сибири.⁴

От Кунгурской летописи сохранился законченный повествовательный отрывок о походе пятидесятника Богдана Брязги „с товарищами“ вниз по Иртышу. Повествование это отличается большою точностью и реальностью наблюдения. Очень живо передан характер расправы казаков с местным населением при сборе ясака в Аремзянской волости. Богдан „городок крепкий взял боем и мньгих лутчих мергеней повесил за ногу и растрелял“, а затем „ясак собрал за саблюю и положил на стол кровавую, и велел верно целовати за государя царя“. Татары были настолько напуганы этим, что „и за страх

¹ Там же, стр. 315.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Ср., например, маршрут похода Ермака в Кунгурской летописи и у Вс. Миллера, № 159; упоминание о покинутых лодках „коломенках“ и др. Ср. также „Древние российские стихотворения“ Кирши Давида, 1938, стр. 81 и след.

грозы не смели не токмо руки поднять, ниже слова молвить во всей волости Надцынской".¹

Этнографически интересно рассказано в этом отрывке о камлании шамана: „проклятаго связавше крепко и уткнув саблею или ножом в брюхо скрозь, и держат связана дондеже по вопросу всем скажет, и тогда выдернут из него нож или саблю, шейтаншик же став, наточит пригоршни крови свои, выпьет и вымажется, будет весь цел, что и язв не знать“.² Любопытны также рассказанные в этом отрывке сведения о культе „богынни древней“,³ о ворожбе, о попытке казаков похитить остяцкого бога, о камне, насылающем непогоду, в основе чего лежит реальное мусульманское поверие, затем о гадании Ермака у шамана и т. д. Чрезвычайная точность описаний всех деталей похода, мелочность некоторых указаний (например, что приносившие ясак были в „цветном“ платье и др.) заставляют предполагать, что первоначальная запись о походе Богдана Брязги была сделана кем-то из участников. На эту же мысль наводит сама форма рассказа от первого лица в описании одной из битв: „егда же начахом приступати на косогор“,⁴ а также своеобразное сокращение изложения, которое мог допустить только очевидец, уставший рассказывать обо всем, что он видел: „а кои бои и были по дороге на низ пловучи, и тех всех описать трудно подробну: вои убитых нет, а раненых кажной многаши“.⁵ Те же следы записей очевидца заметны и в двух других отрывках Куягурской летописи. Таково, например, точное описание местности в конце одного из отрывков: „стояще в прикрыте за речкою в трех верстах и менши, в темном диком суземье, при речке крутой и топкой велми; по ней же Кучум учинял брод широкий как в три или в четыре телеги проехать, в одном месте:

¹ Там же, стр. 333.

² Там же, стр. 326.

³ Там же, стр. 336.

⁴ Там же, стр. 334.

⁵ Там же, стр. 336.

каменьям и песком засыпал плотно; а кто не угодает, утопает“.¹

Поражает и обилие дат в Кунгурской летописи, причем ни в датах, ни в описании самих событий не видно зависимости ее от других сибирских летописей. Все это заставляет предполагать какой-то особый своеобразный и, уж во всяком случае, очень древний источник Кунгурской летописи.

Один из эпизодов, рассказанных в этой летописи, возможно, явился основанием для соответствующего мотива в эпосе об Ермаке. Во время сборов ясака местный князь Елыгай привел Ермаку „прекраскую дочь свою в честь и в дар. Ермак же не приял и отверг, и прочим запретил“. „Та бо девка роду ханска Саргачыка царя прекрасна“.² „Прекрасная дочь“ Елыгая, не есть ли это прототип той песенной „души красной девицы, молодой Урзамовны“,³ дочери „мурзы турскова“, которую казаки Ермака отпускают не обидев? Не ясна связь с этим эпизодом дальнейшего рассказа о „царицыном плаче“. В произошедшем вслед затем бою казаки потеряли пятерых убитыми. „И о тех пяти человеках, — говорит Кунгурская летопись, — татара поют с плачем при беседах в песнях, припеваючи: «яным, яным, биш казак, биш казак», сиречь: «воины, воины, пять, пять человек победиша и разориша». И сия песня их слово царицын плачь“.⁴

Концу XVII в. принадлежит любопытная историческая повесть о завоевании Сибири Ермаком, включенная в „Описание Новые земли Сибирского государства“, составленное, повидимому, в Москве в Сибирском приказе. Повесть эта была в конце же XVII в. использована в известной голландской книге „О северной и восточной Тартарии“ Витзена.

¹ Там же, стр. 343.

² Там же, стр. 342.

³ В с. М и л л е р. „Исторические песни русского народа XVI—XVII вв.“, Сборник Отд. русск. яз. и слов. Ак. Наук, т. 93., П., 1915, стр. 478. Ср. также: Жир. Д а н и л о в, „Древние российские стихотворения“, 1938, стр. 76.

⁴ „Сибирские летописи“, стр. 342.

Повесть эта не похожа ни на одну из сибирских летописей — ни по содержанию, ни по стилю. Она включает в себя различные народные рассказы о сибирском походе Ермака, изложена языком простым и вместе с тем вполне литературным, ритмичным.

История завоевания Сибири начинается со взятия Казани, чем подчеркивается обычная для народных песен о Ермаке связь этих двух событий. На основании народных рассказов повествуется здесь о „мужике Строганове“,¹ помогшем Ермаку, о золоченых стрелах, которые разослал царь Кучум своим воинам, оповещая их о приближении Ермака, о двух пушках Кучума, которые по казакам „стрельбы не дали“, за что Кучум велел их свергнуть „с высокие горы вниз, в реку Иртыш“.

Фольклорной гиперболизацией звучит рассказ повести о том, как Ермак, спасаясь от татар и перескочив через три струга, упал „в воду в великую реку Иртыш в яр в глубокое место“ и пошел камнем ко дну.²

Он Ермак похотел перескочити
На другую свою коломенку
И ступил на переходню обманчивую...

В народном характере составлена отписка Ермака царю о завоевании Сибири, речи казаков и Ермака с утешениями друг друга перед битвой с Кучумом и т. д. Наконец, легендарно звучит и рассказ о том, как Кучум после гибели Ермака велел сетями, баграми и „всякими снастями“ искать в омуте тело Ермака: „А как сыщется, велю тело его, вора атамана Ермака, в части изрезать, и сам мясо его с родителями своими стану ясти, такова разорителя своего царства“.³

¹ Там же, стр. 368.

² Там же, стр. 377. Ср. смерть Ермака в народных песнях: В с. М и л л е р. „Исторические песни...“, стр. 487.

³ Там же, стр. 377.

От конца XVII в. дошел до нас и ряд других сочинений: погодная летопись Тобольска, „Сказание о великой реке Амуре“ и мн. др.

Исторические, географические и этнографические сочинения о Сибири явились одним из самых популярных чтений древне-русского читателя.

